

Глава 50. Почему не получается зачать?

Сяо Бао почти не умел лгать, а когда увидел, как потемнело от гнева лицо Вэй Вэнькана, и вовсе лишился дара речи. На выручку пришел Цзян Минь, который невозмутимо отозвался: — Ушел в деревню Каошань, проведать родню.

— Какую еще родню в Каошани? — Вэнькан распахнул дверь кладовой и, не обнаружив там привычного топора Лю Тяньцзяо, резко обернулся к Сяо Бао. Его взгляд стал острым, как лезвие. — Говори. Куда на самом деле ушел Лю Тяньцзяо?

Мальчишка еще никогда не видел Вэй Вэнькана таким грозным. Оробев, он невольно выпалил: — За дровами.

— И где же он их рубит? В Задних горах? — юноша напирал, требуя ответа.

Поняв, что проговорился, Сяо Бао в ужасе опустил голову, не смея больше вымолвить ни слова. Книжнику и без того всё стало ясно. Гнев на безрассудство супруга едва не лишил его рассудка. — Ну и смелости же он набрался... Даже в Задние горы соваться не побоялся!

На улице совсем стемнело. Видя, что Вэй Вэнькан, не раздумывая, бросился к выходу, Сяо Бао осознал, какую беду накликать, и поспешил следом: — Братец Вэй, не волнуйтесь так! Братец Цзяо очень сильный, с ним точно всё в порядке!

— Как мне не волноваться?! — Вэнькан едва сдерживал крик. — Дядя Лю тоже был не из робких, и чем это закончилось? Что стоят все умения Тяньцзяо перед настоящим лесом?

— И кто это тут называет мои умения никчемными? — раздался из темноты знакомый насмешливый голос.

Из-за трех огромных вязанок дров, возвышавшихся над землей, показалась голова. Ну конечно, кто еще это мог быть, если не Лю Тяньцзяо? Муж стремительно бросился к нему и замер в шаге, в упор глядя на гэ'эра, но не говоря ни слова.

Под этим тяжелым взглядом Лю Тяньцзяо стало не по себе. Он неловко кашлянул: — Что, всего день не виделись, а я уже так похорошел, что ты и признать не можешь?

«Неужели его лицо из железа выковано?»

Вэй Вэнькан едва не рассмеялся от ярости, но лишь процедил сквозь зубы: — По-моему, ты просто нарываешься на хорошую взбучку.

Тяньцзяо цокнул языком: — Разве образованному человеку пристало так выражаться? — У тебя

же и научился, — холодно отрезал муж.

Супруг и не подумал смутиться: — Значит, сам виноват. У меня столько прекрасных качеств, а ты перенял только привычку сквернословить?

— О да, ты у нас воплощение совершенства, — спорить было делом заведомо проигрышным, поэтому Вэй Вэнькан зашел ему за спину и потянулся к верхней вязанке.

Лю Тяньцзяо попытался уклониться: — Я сам донесу. Тебе завтра в школу идти, не хватало еще праздничную одежду извозить.

Но юноша, обычно мягкий, проявил неожиданную твердость. Оттолкнув голову мужа в сторону, он стиснул зубы и перекинул одну из тяжелых вязанок себе на плечо. Он хотел было взять и вторую, но плечо тут же пронзило острой болью. Стало ясно — геройствовать не получится. Он лишь диву дался: чем кормят этого гэ'эра, что у него такая нечеловеческая сила?

Мальчишки, видя, как Вэй Вэнькан стремительно зашагал к дому, окруженный ледяной аурой, притихли. Сяо Бао и его брат лишь бросили на Тяньцзяо взгляд, в котором читалось: «Ну, теперь пеняй на себя».

Тяньцзяо же, по своей натуре человек простой и прямолинейный, тяжести момента совершенно не уловил. Он продолжал хвастаться перед братьями: — Да вы и представить не можете! Захожу я, значит, в чашу, а там змея — толщиной с руку — на дереве кольца свила. Увидела меня и даже не дрогнула, только язык высунула, пугать вздумала! А трава? Стоит палкой ткнуть, как оттуда целое гнездо сколопендр лезет!

Его мысли уже перескочили на заработок: — Жаль, что далеко это. А так можно было бы там кур или коз завести, пусть бы паслись на воле, жир нагуливали. Наведывался бы раз в неделю, ловил бы да мясо ел... А по пути назад я еще и дикие фрукты видел. Удивительно, такие холода, а они не осыпались. Если бы не темень, я бы набрал вам на пробу.

Видя, что тот только раззадоривается, Цзян Минь наконец не выдержал: — Братец Цзяо, лучше помолчи. Братец Вэй уже на грани.

Тяньцзяо только отмахнулся: — Да чего ему злиться? Я же цел и невредим. Просто он слишком робкий, надо его почаще так тренировать, тогда и привыкнет.

Семья еще не ужинала. Сбросив дрова во дворе, Лю Тяньцзяо собрался на кухню, но Вэнькан опередил его. Он вошел в жаркое помещение, с грохотом закрыл дверь перед самым носом мужа и бросил из-за нее: — Ужин приготовлю я сам.

Гэ'эр засомневался: — Может, лучше я? Ты же к нашему очагу не привык. — Не бойся, —

донесся холодный ответ, — не отравишься.

Сяо Бао робко спросил: — Может, мне пойти помочь?

Тяньцзяо, вспомнив, что братья годами ели одну лишь пустую кашу, вздохнул: — Не стоит. Боюсь, в кулинарии вы с ним стоите друг друга.

К чести Вэй Вэнькана, он не преувеличивал. Его каша из грубого риса больше напоминала воду для мытья котлов, а лепешки получились липкими и бесформенными, но всё это было вполне съедобным. Проголодавшийся Тяньцзяо с обреченным видом жевал лепешку, гадая, как можно умудриться испортить столь простые продукты.

— Слушай, — вздохнул он, — давай в будущем не будем переводить продукты. Руки, которыми ты пишешь свои свитки, лучше пусть просто моют посуду.

Муж одарил его ледяным взглядом: — Не нравится? Придется привыкать. Когда родишь и ляжешь в послеродовой покой, тебе всё равно придется есть то, что приготовлю я.

Тяньцзяо едва не подавился и зашелся в кашле: — Какой еще покой? Прекрати нести чепуху!

Но Вэнькан был предельно серьезен: — Почему чепуху? Быть может, ты уже понес. У нас в семьях не осталось старших, так кто, если не мы сами, должен заботиться о будущем?

Лю Тяньцзяо и раньше знал, что его муж — человек книжный и порой простодушный, но не ожидал, что до такой степени. Он смеялся так сильно, что пришлось схватиться за живот. — Ох, батюшки... Ну и глупость! Понес? Да как это возможно?

Вэй Вэнькан нахмурился, уловив в словах супруга неладное: — Что ты имеешь в виду?

Тяньцзяо только отмахивался, не в силах перестать хохотать: — Ничего, равным счетом ничего.

При детях юноша не стал продолжать этот разговор.

После ужина стало совсем темно. Лю Тяньцзяо посчитал, что братьям опасно возвращаться одним, и вызвался их проводить. Вэнькан же встал на пути: Тяньцзяо проделал такой путь в горы, притащил три тяжелых вязанки — каким бы крепким ни было его здоровье, силы не бесконечны. Он вызвался сам. Но гэ'эр не мог отпустить слабого книжника в ночную тьму. После долгих препирательств решили оставить мальчишек на ночлег в комнате покойного Лю Лаода.

Тяньцзяо не упустил случая поддеть мужа: — Помнишь нашу первую ночь? Когда я велел тебе спать в отцовской комнате, ты так струхнул, что аж побелел весь. А эти двое — вон какие

храбрецы!

Какому мужчине понравится, когда его называют трусом? Вэнькан стиснул зубы: — В брачную ночь супругам полагается спать в одной комнате.

Тяньцзяо усмехнулся: — Ой, да ладно тебе. Мы же не настоящие супруги, к чему это притворство?

Вэй Вэнькан замер, уязвленный: — Мы делим одну постель, так почему же не настоящие? — Подумаешь, постель! Я в детстве и с Шао Чжуаном, и с другими мальчишками на одной лежанке спал, и что с того?

Эти слова, словно искра, попавшая в порох, мгновенно воспламенили гнев, который муж до этого пытался подавить. Он резким движением толкнул Лю Тяньцзяо на кровать. — Ты хоть помнишь, кто твой муж?

— Помню, помню... Перестань дурачиться, — Тяньцзяо попытался подняться.

Но Вэнькан навалился сверху, прижимая его всем телом к матрасу и не давая пошевелиться. — Кто твой муж?

Гэ'эр, видя, что дело принимает серьезный оборот, вздохнул: — Вэй Вэнькан. Мой муж — Вэй Вэнькан. А теперь пусти.

— Не пущу.

Гнев на лице юноши еще не угас, но внимание его невольно переключилось на тепло, исходящее от прижатого к нему тела. В зимнюю стужу это ощущение было настолько притягательным для вечно мерзнущего книжника, что он невольно прижался еще теснее.

Лю Тяньцзяо почувствовал неладное и попытался отстраниться: — Если сейчас же не встанешь, я не на шутку рассержусь.

Вэнькан поник, его взгляд стал печальным, а в голосе послышалась горечь: — Почему ты злишься? Разве я не твой муж? Или в глубине души ты всё еще считаешь, что я тебе не пара, и наш брак — лишь временная мера?

«Конечно, временная, — Лю Тяньцзяо усмехнулся про себя. — Можно подумать, мы и впрямь женились по любви»

Видя его молчание, Вэй Вэнькан почувствовал еще большую боль: — Чем я тебе так немил?

Тяньцзяо возмутился: — Да я для тебя душу наизнанку выворачиваю, а ты решил, что я тебя ненавижу? — Тогда почему ты никогда не хочешь быть ко мне ближе? В ту ночь, когда я во сне прижался к тебе, ты просто вытолкнул меня прочь.

— Братец, ты называешь это «прижался»? Ты меня чуть не задушил! Я проснулся и подумал, что меня змея кольцами стянула!

— Но почему ты совсем обо мне не думаешь? — Что?

— Ты хоть представляешь, как опасны эти горы? Ушел, даже слова не сказав... Ты хоть на миг подумал, что я буду чувствовать?

Тяньцзяо, будучи человеком прямолинейным и упрямым, всегда лучше поддавался ласке, чем силе. Видя, как искренне расстроен муж, он несильно похлопал его по спине, успокаивая: — Ты же знаешь, на что я способен. Я же не охотиться пошел, что могло случиться?

— В тех лесах полно хищников и змей! Каким бы сильным ты ни был, если они настигнут тебя — что ты сделаешь? — Ой, ну ладно тебе, я же здесь, живой. Хватит ворчать, у меня уже голова пухнет. Обещаю, больше в Задние горы не пойду.

Вэнькан знал, что терпение Лю Тяньцзяо на исходе, поэтому не стал больше попрекать его лесом, а перешел к другому вопросу: — За ужином ты сказал, что не можешь понести. Почему?

Гэ'эр быстро нашелся: — Я имел в виду, что мы женаты совсем недолго, так быстро не начинают.

— Не так уж и недолго. Сын дядюшки Нью женился позже нас, а у них уже хорошие вести, — юноша на мгновение задумался и добавил с полной серьезностью: — Скажи, может, всё дело во мне? Может, я в прошлом здоровье подорвал? Стоит ли мне съездить в город, показаться лекарю?

Тяньцзяо опешил: — Э... Думаю, не стоит. Ты выглядишь вполне здоровым.

— Нельзя скрывать недуг от врача. Ты боишься, что денег не хватит? Не беспокойся. Я расспросил учителя, у него есть знакомая книжная лавка, им как раз нужны люди для переписывания буддийских сутр. Учитель говорит, что мой почерк уже достаточно хорош. Так что с переписыванием книг я справлюсь.

Лю Тяньцзяо обрадовался так, что даже забыл о своем положении: — Правда? Вот это новость! Значит, не зря ты в школу ходишь!

Дело было вовсе не в деньгах, а в том, что Вэй Вэнькан теперь мог сам прокормить себя. Это значило, что даже если он не сдаст экзамены, ему не придется гнуть спину в поле. Как тут

было не радоваться?

Муж тоже улыбнулся: — Учитель Ван — человек добрый, он вошел в мое положение.

— Еще бы! У такого наставника и связи полезные. Ты уж его не забывай, почитай как следует. Я вот видел, у дядюшки Нью поросенок славный подрастает. Давай к Новому году купим его, заколем, да половину туши учителю Вану отвезем. А вторую себе оставим — нажарим мяса, накрутим шариков, наварим ребер... Будет у нас настоящий сытый праздник!

Видя, как воодушевился Тяньцзяо, Вэнькан поспешил вернуть разговор к главному: — Ты так и не ответил — почему ты не можешь понести?

— Я же сказал: времени мало прошло. — Ты лжешь.

Тяньцзяо посмотрел на него самым честным взглядом, на который был способен: — Кто лжет, тот и собака.

<http://bllate.org/book/15343/1417395>